

Перевод Е.Лагутина

Французский ежегодник 1960

М.: Наука. 1961. С.188-209.

Веб-публикация: библиотека Vive Liberta, 2010

Все материалы о Бабефе

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#bf>

В.Волгин. Великая французская революция и социализм. Идеиное наследие бабувистов

http://enlightment2005.narod.ru/science/volg_soc4.pdf

В.Волгин. Очерки истории социалистических идей. Перв.половина 19 в.

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin7.pdf>

В.Волгин. Французский утопический коммунизм: к 200-летию со дня рождения Гракха Бабефа <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70215973.htm>

А.Иоаннисян. К истории французского утопического коммунизма первой половины XIX в. <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p128684675.htm>

А.Иоаннисян. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840-41 гг. http://vive-liberta.narod.ru/biblio/ioann_1840-41.pdf

А.Иоаннисян. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1842-47 гг. http://vive-liberta.narod.ru/biblio/ioann_1842-47.pdf

А.Иоаннисян. Революция 1848 года во Франции и коммунизм <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p113481602.htm#410334653>

Филиппо Буонарроти

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#phbuon>

Этьен Кабе и его «Икария»

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#cabet>

Сен-Симон

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#st-sim>

Теодор Дезами

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#dezamy>

Альбер Лапонере

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#lapnr>

Жан-Жак Пийо

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#pillot>

Общезвестно, что возрождению интереса к учению «равных» во Франции после 1830 г. содействовала книга Филиппа Буонарроти «Заговор во имя равенства, именуемый заговором Бабефа», и сам Буонарроти. Его книга, опубликованная в Брюсселе в 1828 г. и переизданная в Париже в 1830 г., сначала, казалось, имела лишь небольшой круг читателей во Франции. Но, по свидетельству Этьенна Кабе, их число увеличилось после восстаний 1834 г. Английское издание книги, переведенной в 1836 г. известным чартистом Джемсом Бронтером О'Брайеном, имело огромный успех. Как сообщает нам Барер, за сравнительно короткое время было распродано около 50 тыс. экземпляров¹.

Главная цель данного очерка — изучение характера и направления бабувизма по печати 30—40-х годов, вдохновлявшейся этими идеями. Учения, рассматриваемые в настоящем очерке, не являются простым повторением учения бабувистской партии 1796 г., хотя некоторые из ее важных документов были перепечатаны ее почитателями². Комплекс идей, рассматриваемый здесь, был выражением протеста, с одной стороны, против эксплуатации рабочих (число которых, занятых в крупном производстве, непрерывно возрастало), а с другой стороны, против быстрого обогащения средних и высших общественных слоев. Ибо мы имеем дело с периодом, когда процесс быстрого накопления капитала приводил к снижению заработной платы до предельно низкого уровня, необходимого для поддержания жалкого существования. Сочетание новых условий и революционного движения, в которое Буонарроти и повстанцы 1834 г. вдохнули новую жизнь, породило то, что один из почитателей Бабефа, рабочий Андре-Мари Савари, назвал «необабувизмом». По мнению Савари, причинами популярности Бабефа в 30—40-е годы были его простое происхождение, бедность, в тисках которой он бился всю жизнь, жизненный путь, полный исканий, и преждевременный мученический конец, грубая простота и чисто пролетарская направленность его учения, целью которого было обеспечить

¹ Barère. Mémoires, IV. Paris, 1844, p. 92; S. Bernstein. Buonarroti. Paris, 1949, p. 185.

² Например, «Анализ доктрины Бабефа» («L'Analyse de la doctrine de Babeuf»). «L'Intelligence», septembre 1838 (изд. Лапоннерэ).

обездоленным не только равенство в правах, но главным образом имущественное равенство и равенство в пользовании жизненными благами³.

Вскоре после революции 1830 г. принципы бабувизма, возрожденные Буонарроти, незаметно проникли во французские политические общества. Нет необходимости рассматривать здесь всю историю этих политических организаций, существовавших в течение первых четырех лет Июльской монархии. Достаточно сказать, что большинство их имело гораздо меньшее значение, чем можно было бы предположить, судя по их претенциозным названиям. С нашей точки зрения, только «Друзья народа» и «Общество прав человека» заслуживают внимания. Это были две самые крупные популярные республиканские организации, распространению идей бабувизма в которых содействовали друзья Буонарроти, а также, вероятно, связанные с ним тайные общества⁴. Общество «Друзья народа» имело своих последователей главным образом в Париже, хотя его влияние распространялось и на такие провинциальные города, как Гренобль и Лион. Благодаря инициативе Буонарроти и его ученика Шарля Теста оно сформировало и снарядило корпус волонтеров, который в 1830 г. пришел на помощь бельгийским революционерам⁵. Второе общество, «Общество прав человека», было организовано лучше всех других политических ассоциаций. В период своего расцвета оно имело 170 секций в Париже (3 тыс. членов) и примерно 300 секций в провинции (6 тыс. членов). Благодаря связям с профессиональными союзами, национальной гвардией и армией его влияние еще более возросло.

Программы обоих обществ носили следы влияния бабувизма. В их литературе подчеркивался социальный вопрос, осуждалась нищета и невежество громадного большинства, с одной стороны, и изобилие и роскошь незначительного привилегированного меньшинства, — с другой, содержался призыв к социальному преобразованию общества с помощью политических средств.

Шарль Тест и Вуайе д'Аржансон, два друга и ученика Буонарроти, пользовались значительным влиянием в этих политических обществах. Каждый из них написал по брошюре, в которых безошибочно угадывается рука Буонарроти. В «Проекте республиканской конституции» Тест излагал планы создания коммунистического общества; оно возникнет после длительного переходного периода, в течение которого массы научатся сами управлять своими делами. В «*Boutade d'un riche à sentiments populaires*», д'Аржансон утверждал, что хотя источником всех богатств является труд, большую часть их присваивают землевладельцы и буржуазия. Его выводы совпадают с выводами Буонарроти. Д'Аржансон говорил народу, что после успешного восстания бесполезно выдвигать ограниченные требования, ибо если даже увеличить их втрое, «они все же не будут составлять вашей истинной доли в общественном достоянии; более того, если вы предоставите богатым право одним творить законы, то какие бы уступки они вам ни сделали, они сумеют отобрать их у вас, и даже с лихвой»⁶.

Вопрос о том, насколько глубоким было влияние Буонарроти в политических обществах, требует еще дальнейшего исследования. Но несомненно, его идеи оказали большое влияние на наиболее важные из них. Тот факт,

³ J. Prudhomme aux. Babeuf jugé par un communiste de 1840.— «La Révolution Française», 1908, LV, p. 128.

⁴ См. их уставы: A. Saitta. Filippo Buonarroti, II. Roma, 1951, p. 117—124.

⁵ См. письмо Буонарроти Шарлю Тесту от 6 октября 1830 г.— «Papiers de Buonarroti», Bibliothèque Nationale, 20/804, f. 102, 104; S. Bernstein. Buonarroti, p. 214 ff.

⁶ Мы использовали экземпляр «*Boutade d'un riche à sentiments populaires*», имеющийся в «Papiers de Teste», Bibliothèque Nationale, 20 805, f. 227—228.

что секции «Общества прав человека» были названы «Бабеф» и «Буонарротти», является веским доказательством влияния бабувистских идей среди членов этой организации⁷.

I

Дальнейшее рассмотрение вопроса о влиянии бабувизма во французских политических обществах начала 30-х годов отвлекло бы нас от главной цели очерка. Разгром этих обществ после восстаний 1834 г. заставил революционное движение уйти в подполье. Рассказ о тайных обществах Франции 30—40-х годов не входит в задачу данного очерка. Здесь рассматривается только их печать, поскольку идеи и взгляды, излагавшиеся в их статьях, были явно бабувистского происхождения.

В связи с этим заслуживают внимания «*Moniteur républicain*» и «*Homme libre*». Обе издавались нелегально тайным военным обществом «Демократические фаланги». Что касается первой газеты, то она выходила нерегулярно; с ноября 1837 г. по июль 1838 г. вышло восемь номеров; вторая вышла всего три раза, в августе и сентябре 1838 г. Четвертый номер газеты был изъят полицией прежде, чем был напечатан. Единственным видимым различием между ними был тон статей. «*Moniteur républicain*», прибегала к резким выражениям. Тон «*Homme libre*» вначале был более умеренным, но после первого номера газета заимствовала чрезвычайно резкий тон своей предшественницы. «*Moniteur*» заявляла, что будет нападать на королевскую власть, на монополию в области законодательства и частную собственность, т. е. фактически на все институты Июльской монархии. Но газета не была последовательной в отношении своих конечных целей. Вначале она проповедовала установление после победы будущей революции коммунизма бабувистского типа. В своем последнем номере она признавала частную собственность, в том смысле, как понимал ее Робеспьер.

«*Homme libre*» продолжала придерживаться направления «*Moniteur*». О бабувистском характере второго издания свидетельствует его название заимствованное у бабувистской газеты «*Journal des Hommes libres*». Первый номер «*Homme libre*» был своего рода проспектом, в котором объяснялись причины его нелегального существования. Действующие законы не разрешают «смело разоблачать мошенничество... и открыто проповедовать республиканские принципы равенства и справедливости, принципы, целью которых является достижение счастья человечества». В своих последующих номерах газета стала отрицать права господствующего класса и отвергать право наследования и право частной собственности. В первой статье конфискованного полицией четвертого номера, озаглавленной «*De la communauté*», определялась конечная цель: «Мы требуем такого же или почти такого же общества, как и Бабеф, и подобно ему мы будем без устали пропагандировать наши принципы, даже если нам суждено будет пасть жертвами гнусной монархии, не добившись победы». Долг республиканцев — разрушить «сверху донизу всю социальную систему... Приближается время, когда народ с оружием в руках потребует возвращения того, что ему принадлежит... неимущие были ограблены теми, кто владеет всем».

Когда полиция изымала четвертый номер газеты, она арестовала ее основных редакторов и сотрудников. Это были рабочие и студенты; каждого из них приговорили к пяти годам тюремного заключения.

⁷ Сайтта обнаружил в их литературе выражения, заимствованные у Буонарротти (A. Saitta. Filippo Buonarroti, t. II, p. 157—160).

Судя по всем признакам, две упомянутые выше нелегальные газеты издавались, очевидно, наспех и людьми, которые были привычны не столько к социальному анализу, сколько к действию. С другой стороны, легальные необабувистские газеты, т. е. те, которые подчинялись суровым требованиям закона, были менее резки в выражениях и более заинтересованы в анализе социальных отношений. Из этого вовсе не следует, что эти два вида необабувистской печати не имели между собой ничего общего. Они черпали идеи из одного и того же источника и при определении общественных классов исходили из простого товарного производства. Эта вторая сходная черта требует пояснения.

Теоретики левого направления, изучавшие общество 30—40-х годов, полагали, что оно разделено на две неравные части, которые они считали классами. Небольшое привилегированное и праздное меньшинство, т. е. землевладельцы и финансисты, обладало монополией политических прав и жило припеваючи на те средства, которые оно отбирало у громадного большинства, т. е. именно у тех, кто производил богатства и кто был лишен политических прав. Эта концепция социальных отношений в некоторой степени соответствовала экономическому развитию Франции в рассматриваемый период. Промышленный переворот уже дал себя почувствовать в экономической жизни страны, но ремесленное и мелкое независимое производство все еще преобладало. За исключением таких отраслей промышленности, как текстильная и металлургическая, новые производительные силы лишь только начинали конкурировать с ремесленным производством. Однако эта угроза все приближалась.

Мануфактурные рабочие и мелкие независимые производители при оценке социально-экономических отношений исходили из понятий простого товарного производства. Если рассматривать продукт под этим углом зрения, то он является всего лишь товаром, воплощающим в себе определенное количество труда и потребительную стоимость, и может обмениваться на эквивалент. В этих условиях деньги являются просто средством обмена, «вуалью», как называл их Ж. Б. Сэй, под прикрытием которой происходит торговля потребительными стоимостями. Однако эта проблема является гораздо более сложной, ибо деньги играют самостоятельную роль. Они — склад обмениваемых стоимостей и, нагруженные этими стоимостями, заставляют вращаться колеса промышленности. Вследствие этого они совершенно необходимы для нормальной деятельности системы производства.

Другого мнения придерживались сторонники ремесленного производства, которые применяли к экономике нормы простого товарного производства. С их точки зрения, деньги — препятствие на пути справедливого обмена. Они служат тем, кто ими владеет, или финансистам для того, чтобы собирать с производителей дань в виде труда, посредством высоких процентов, ренты, косвенных налогов и тарифов. Все это — разные виды ограбления рабочих в пользу богатых бездельников. Так, Шарль Тест ввел в обиход поговорку «Праздность есть воровство», а Луи Огюст Бланки определял политическую экономию как «кодекс ростовщичества». То же самое подразумевал и Прудон в своем изречении «Собственность есть кража», если, конечно, понимать «собственность» так, как понимал ее сам Прудон, т. е. как крупную собственность.

Разумеется, ни один экономист, начиная от Смита и кончая Марксом, не согласится с этими экономическими формулами. Но для французских социалистов и коммунистов 30—40-х годов они выражали взаимоотношения классов. С одной стороны было богатое, привилегированное в политическом отношении меньшинство; с другой — рабочие, мелкие лавочники и крестья-

яне, производящие для него богатства, но в политическом отношении бесправные. В соответствии с изложенной выше экономической постановкой они были «пролетариатом». Численность его оценивали по-разному. Жан Рейно⁸ и «*Homme libre*»⁹ определяли ее соответственно в 22 и 24 млн. Но Огюст Бланки¹⁰ и Альбер Лапоннерэ¹¹ полагали, что она равна 30 млн. В 1840 г. коммунист-утопист Жан Жак Пийо принял цифру Бланки и Лапоннерэ¹². Но, независимо от этих подсчетов, пролетариат, в их представлении, включал всех производителей общества и в этом смысле соответствовал производящему классу Сен-Симона.

Перейдем теперь от общих черт двух типов необабувистских газет к их различиям. Наиболее явное различие состоит в том, что они уделяли совершенно неодинаковое внимание историческому развитию общественных классов и их борьбе. Если «*Moniteur républicain*» и «*Homme libre*» уделяли этому аспекту социальной теории незначительное внимание, то такие газеты, как «*Intelligence*», «*Egalitaire*» и «*Fraternité de 1845*», если упомянуть хотя бы только эти три, исторически обосновывали пропагандировавшиеся ими принципы. В определении направления необабувистских газет второго типа большую роль играли также различные социальные теории. Хотя эти газеты и утверждали, что они ведут свое происхождение от бабувистов, однако их учения представляли собой смешение идей нескольких теоретических течений.

III

С самого начала следует заявить, что газеты, которые будут рассматриваться ниже, придерживались различных философских учений и по-разному представляли себе конечную цель. Для «*Intelligence*» Лапоннерэ, как и для «*Fraternité de 1841*», был характерен деистический налет. С другой стороны, такие журналы и газеты, как «*Tribune du Peuple*» Пийо, «*Humanitaire*» Мэя, «*Egalitaire*» Дезами и «*Fraternité de 1845*», были материалистическими. Все мечтали о социальной республике, но понимали ее по-разному. Хотя журнал Пийо не называл себя коммунистическим, сущностью проповедовавшегося им учения было равенство, а его целью — обеспечение рабочему плодов его труда. Газета Мэя склонялась к анархизму. Но издания Лапоннерэ и Дезами и вторая «*Fraternité*» представляли себе социальную республику как коммунистическую, отождествляя коммунизм и демократию.

Мы ограничим свои замечания о Пийо и «*Tribune du Peuple*» несколькими абзацами. В 1836 г., когда Пийо было 27 лет, его привлекли к суду и осудили за попытку создать церковь, противостоящую католической, священником которой он должен был стать. Впоследствии он стал коммунистом, был организатором знаменитого банкета в Бельвиле в 1840 г., был арестован за нарушение закона о печати, участвовал в революции 1848 г., после чего уехал в Бразилию, где практиковал в качестве врача-гомеопата. Вернулся во Францию он только в 1870 г., принимал участие в восстании 31 октября и был членом Парижской Коммуны. Арестованный версальскими войсками, он предстал перед военным судом и был приговорен к пожизненной каторге. Вскоре после этого он умер.

И по своему формату, и по манере изложения материала «*Tribune du Peuple*» принадлежит к разряду памфлетов. Хотя два номера «*Tribune du Peuple*», вышедшие в 1839 г., и не содержали изложения теории Пийо

⁸ «*Revue encyclopédique*», vol. LIV, 1832, p. 13.

⁹ «*Homme libre*», 1838, N 4.

¹⁰ A. Blanqui. Procès des quinze. Paris, 1832. p. 3.

¹¹ A. Laponneraye. Défense devant des assises de la Seine. Paris, 1832, p. 5 sqq.

¹² J. J. Pillot. Ni châteaux ni chaumières. Paris, 1840, p. 34 sqq.

40-х годов, развитой в его книгах «Ни дворцов, ни хижины» и «Коммунизм не является утопией»¹³, однако в это время он уже был материалистом (в том смысле, как это понимали в XVIII в.), которого приводил в негодование деспотизм в любой форме. Он поставил своей целью выражать интересы народа и обеспечить их осуществление, освободив его сначала от богатых и их организованных политических и религиозных союзников, а затем просветив его путем образования. Хотя у Пийо и не было ясности относительно характера социального строя, который он предлагал, однако он был убежден, что человечество движется к равенству.

Он высоко ценил исторические революционные движения. Как и сторонники Сен-Симона, он считал Реформацию и философское движение XVIII в. великими достижениями на пути освобождения человеческого разума. Французская революция продолжила этот процесс, но не завершила его. Неравенство все еще является главным источником социальных бедствий, считал он. Поэтому целью следующей революции является замена существующего порядка другим, основанным на равенстве.

Тем временем Альбер Лапоннерэ прилагал отчаянные усилия, чтобы обеспечить выпуск двух своих газет — «Intelligence» и «Propagande». Он был приблизительно одних лет с Пийо. Его отец был знатным эмигрантом, от взглядов которого Альбер отказался еще до того, как стал по-настоящему взрослым. Желая стать независимым от родителей, он стал давать частные уроки и занялся изучением истории. Страстно увлекаясь французской революцией, особенно её якобинским периодом, он читал лекции рабочим по истории Франции начиная с 1789 г., написал комментарии к Декларации прав человека; он участвовал в политических собраниях 30-х годов, 12 раз привлекался к суду и много лет провел в тюрьме. Это был плодовитый историк и популяризатор французской революции. Но более всего он известен своим изданием работ Робеспьера.

«Intelligence» выходила очень нерегулярно: с сентября 1837 г. по март 1840 г. вышло только 13 номеров. Не имея возможности внести залог в 50 тыс. франков, необходимый в Париже, Лапоннерэ издавал свою газету в Орлеане. Полиция постоянно следила за ним; за семь месяцев его шесть раз привлекали к суду. Вспоминая историю своей газеты, он говорил, что «газету конфисковывали почти каждый месяц». Когда его потом спросили, почему он так упорствовал в издании газеты, он объяснил: «Вспомните, что это было за время. Это была эпоха, когда грозная коалиция в новой палате бросила вызов министерству Моле; эта коалиция, состоявшая в значительной части из одержимых демоном честолюбия депутатов-консерваторов, рвалась с отчаянной яростью к власти и угрожала одним ударом свалить кабинет и монархию; тогда полагали, что мы находимся накануне величайших событий; в тот момент «Intelligence» могла стать знаменем, вокруг которого сплотились бы солдаты торжествующей демократии. Я знал все, что замышлялось, все, что готовилось втайне, и я был глубоко убежден, что «Intelligence», которая до последнего времени служила священному делу равенства, может послужить ему еще. Это убеждение сложилось у меня под влиянием тех писем, которые я получал сотнями со всех концов Франции; писем, в которых меня призывали не отступать, не терять мужества, довести до конца дело, которое я начал»¹⁴.

Подзаголовок газеты, «Journal du droit commun» («Газета общего права»), был затем изменен на «Journal de la réforme sociale» («Газета социальной реформы»), вероятно, для того, чтобы показать, что «Intelligence» имеет своей целью мирную реформу. Однако власти по-прежнему

¹³ Хороший анализ его взглядов дан у В. П. Волгина (V. P. Volguine. Jean Jacques Pillole, communiste utopique.— «La Pensée», N 84, 1959, p. 37—53).

¹⁴ «Le Populaire», 11 septembre 1842.

считали редактора газеты одним из самых фанатичных республиканцев своего времени, подозревали его в политических заговорах¹⁵. Сведения о его подпольной деятельности мало правдоподобны. Однако полиция, несомненно, не ошибалась, отмечая его рвение в достижении конечной цели. Более того, он был большим поклонником Робеспьера и признался, что неравнодушен к Бабефу, «натуре благородной и великодушной, душе сострадательной и преданной, гению неукротимому и гордому». Защищая Бабефа от его фальсификаторов, Лапоннерэ не преминул отметить недостатки его системы. По словам Лапоннерэ, она отрицала поступательное движение и способность к совершенствованию; род человеческий как бы замыкался в неразрывную сеть... «Бабеф, который продолжил дело Робеспьера и пошел еще дальше его, заблуждался подобно ему».

В каком же смысле тогда Лапоннерэ был бабувистом? Предоставим ему самому ответить на этот вопрос: «Будем же бабувистами, но бабувистами, идущими вперед; безоговорочно и целиком примем идею Бабефа, но не как последнее выражение и следствие демократического принципа, не как последний этап прогресса человечества, а как отправной пункт новой эры, эры свободы и равенства, братства и всеобщего счастья»¹⁶.

Вера Лапоннерэ в будущее коренилась в его исторической концепции, суть которой заключалась в постоянном движении человечества вперед сквозь века, как если бы оно имело «внутренний» двигатель. В процессе своего развития человечество постепенно избавляется от предрассудков и дурных наклонностей, пока не осознает своего достоинства и своих прав. Такое понимание исторического развития мало чем отличалось от понимания его многими философами XVIII в. Но Лапоннерэ читал также и критическую литературу утопистов XIX в. Так, он полностью воспринял идею развития пролетариата от рабства до системы наемного труда, что говорит о сильном влиянии исторической концепции сен-симонистов. Но он не разделял их мнения, согласно которому, переходя от одной социальной системы к другой, классы проявляют тенденцию к братскому сближению. Он говорил, что тот, кто получает заработную плату, находится в некотором отношении в еще худшем положении, чем раб или крепостной. В другом своем ежемесячном издании, «Propagande», он писал, что «изменились только названия». «Голодного человека нельзя считать свободным; и следовательно, пролетарий, постоянно борющийся с голодом, неизбежно является рабом»¹⁷.

Вследствие этого перед современными нациями стоит проблема пролетариата, «грозная проблема, которая, как Дамоклов меч, висит на протяжении многих тысяч лет над головами бездельников и эксплуататоров». Но он утверждал, возможно, имея в виду доводы классических экономистов, что эта проблема не является вечной. Существование пролетариата не является также «оправданным и справедливым», т. е. санкционированным неоспоримым правом. С точки зрения общественного договора¹⁸, это право не имеет под собой никакого основания. И если бы право пользования всеми благами жизни предоставлялось только тем, кто выполняет свой долг, то пролетариат имел бы больше оснований претендовать на него, чем владельцы богатств, ибо он выполняет все обязанности, налагаемые обществом, выносит все трудности, выпадающие на его долю, обрабатывает поля, изготавливает промышленную продукцию и защищает

¹⁵ Archives Nationales, BB¹⁸ 1370, dossier 5759.

¹⁶ «L'Intelligence», février 1840.

¹⁷ «La Propagande», novembre 1839. Это ежемесячное издание вышло всего лишь два раза — в октябре и ноябре 1839 г.

¹⁸ Аргумент, основанный на теории общественного договора, был изложен Лапоннерэ в «La Propagande» (октябрь 1839 г.).

страну в военное время; «одним словом, пролетариат — это сама преданность и самопожертвование, и мы утверждаем, что на этом основании он имеет по меньшей мере такое же право пользоваться социальными благами, как и те, кто монопольно использует это право в своих интересах».

Лапоннерэ приравнивал положение пролетариата к положению третьего сословия накануне французской революции. Поэтому он применял к пролетариату формулу Сийеса: «Чем он является в обществе? Ничем. Чего он хочет? Быть чем-то»¹⁹.

В соответствии со своей исторической концепцией он пришел к выводу, что установлению демократии и равенства (два термина, кратко выражавшие сущность его коммунистического общества) должно предшествовать то, что он называл «радикальной революцией в области нравов». Перед тем как свергнуть аристократию, необходимо подготовить «место, на котором будет воздвигнуто здание демократии». Необходимо планировать прогресс человечества, если хотя бы сохранить его историческую непрерывность. Ибо история показала, что революция, осуществленная силой, «без моральной подготовки», была бы только удачным переворотом с эфемерными результатами. Что же тогда следует сделать в качестве предварительного условия обеспечения успеха демократии, спрашивал Лапоннерэ. «Изменить нравы, — отвечал он, — только при этом условии можно добиться определенного успеха в не столь отдаленном будущем»²⁰. Лапоннерэ, как и Сен-Симон, настаивал на необходимости переходного периода.

По мнению Лапоннерэ, первая трудность, которую необходимо преодолеть, это политическая пассивность народа. Вскормленная невежеством и деградацией и поощряемая религиозной проповедью покорности и отречения от всего земного, политическая индифферентность является причиной пассивного отношения народа к учреждениям, которые выгодны только небольшой верхушке, и его враждебности к сторонникам реформ, стремящимся ускорить прогресс человечества²¹.

Лапоннерэ полагал, что эту индифферентность можно ликвидировать, если показать массам, как добиваться осуществления своих интересов. Он призывал к немедленному проведению реформы в области избирательного права и реформы в области просвещения: «первая (реформа) должна привести к осуществлению на практике принципа суверенитета народа, вторая должна привести к широкому распространению образования и просвещения». Среди других его требований была отмена налогов на предметы потребления, особенно на предметы первой необходимости, и сокращение правительственных расходов.

Несомненно, «радикальная революция в области нравов» Лапоннерэ была предназначена для рабочих, общий уровень развития которых он пытался поднять. Он считал бесплатное совместное обучение богатых и бедных одним из главных путей к равенству. Дети должны расти, не зная социальных и экономических различий²². У Лапоннерэ не было никаких иллюзий относительно возможности осуществления подобной системы образования при Июльской монархии. Но противопоставляя существующее положение тому, которое должно быть, он надеялся просветить рабочих и пробудить их к действию.

Он советовал рабочим объединяться либо с «Intelligence», либо, в духе сторонников Фурье, с капиталистами в качестве третьего партнера для создания производственных кооперативов. Несмотря на возражения критиков, которые утверждали, что такие объединения лишь облегчают

¹⁹ «L'Intelligence», septembre 1837.

²⁰ «L'Intelligence», juillet 1838.

²¹ «L'Intelligence», août 1838.

²² «L'Intelligence», avril 1838.

дальнейшую эксплуатацию рабочего класса, он заявлял, что новые отношения заставят осуществить реорганизацию труда, которая приведет к «равному распределению продуктов между всеми членами объединения, независимо от количества и характера их первоначального вклада»²³.

Сотрудничество труда и капитала в качестве мирного средства улучшения положения рабочих ни в коем случае не является чем-то органически присущим Лапоннерэ. Его доводы также не были убедительными²⁴. О них мало что можно сказать, за исключением того, что в то время они соответствовали мелкобуржуазному сознанию французских рабочих. Однако они были высказаны с таким пылом, что никто не может усомниться в его преданности делу трудящихся. Их страдания глубоко трогали Лапоннерэ, их освобождение было целью его жизни.

Во имя этой цели он пытался приспособить свою журналистскую деятельность к суровым ограничениям, налагавшимся законом. Он предпочитал открытую пропаганду заговору и государственному перевороту, на которые возлагал надежды его современник Бланки. Не совсем ясно, как Лапоннерэ надеялся окончательно избавиться от тех, кто стоял у власти, ибо он весьма осторожно высказывался по этому вопросу. Нет никаких указаний на то, что он рассчитывал на политические и экономические организации рабочих. Но по его схеме действий они, по-видимому, должны были играть главную роль в осуществлении радикальных изменений. Открытое признание Робеспьера и Бабефа своими идейными предшественниками свидетельствует о том курсе, которому он намеревался следовать. Однако сначала он хотел просветить рабочих относительно их положения и их интересов, дабы осуществить то, что он называл «этой счастливой и мирной революцией»²⁵. Его метод во многих важных аспектах был утопическим. Но окончательное устройство общества зависело, по его методу, от всех рабочих в целом.

В таком же духе были выдержаны и его советы рабочим относительно технических нововведений. В Англии к концу 30-х годов разрушение машин как средство борьбы против снижения заработной платы и вытеснения ремесла уже исчезло. Но на континенте оно было еще довольно частым явлением. Выступая против этой практики, Лапоннерэ приводил весьма разумные доводы. В условиях системы свободной конкуренции не удивительно, утверждал он, что рабочие враждебно относятся к технике, которая обрекает их на нищету. Государство не оказывает никакого влияния на этот процесс и не проводит мероприятий, направленных на ликвидацию безработицы, возникающей в результате технического прогресса. Но, настаивал он, истинным источником болезни являются не машины, «эти великодушные достижения науки и человеческого разума, эти могучие орудия, при помощи которых можно было бы преобразовать мир...», а устройство общества. Он пришел к выводу, что «надо реорганизовать промышленность». Уничтожение машин было варварством. «Существующая организация труда отвратительна, — развивал далее он свои доводы. — Цель, к которой должны стремиться все люди, обладающие умом и сердцем, состоит в том, чтобы заменить существующее чем-то лучшим; машины играют очень важную роль в промышленности; они приносят вред рабочему классу только потому, что работают на хозяев. В тот день, когда они перестанут быть орудием, находящимся в монопольном владении, когда они будут работать на всех, в тот день откроется новая эра для народа, эра освобождения и благосостояния»²⁶.

²³ «L'Intelligence», mai 1838.

²⁴ Они были кратко изложены в сентябрьском номере «L'Intelligence» (1838 г.).

²⁵ «L'Intelligence», septembre 1838.

²⁶ «L'Intelligence», mai-juin 1838.

Таков был смысл «реформы в области нравов» Лапоннерэ. Фактически она охватывала все экономические и политические проблемы, все, что оказывало влияние на жизнь трудящихся, включая гигиену, охрану труда и запрещение детского труда. Лапоннерэ, однако, заявлял, что это последнее можно будет осуществить только в будущем, поскольку семьи зависят от заработка своих детей.

При всей его вере в теорию XVIII в. о непрерывности прогресса и в способность ассоциации труда и капитала содействовать этому прогрессу, теория Лапоннерэ имела некоторые черты, роднящие ее с современным социализмом. Его «реформа в области нравов» выражала, в сущности, ту мысль, что необходимым предварительным условием для скачка к тому, что он называл равенством и демократией, является пробуждение классового самосознания рабочих. Другими словами, социальная реформа — это политический вопрос, который могут решить только рабочие. Их недовольство породит движущую силу социальных изменений.

С признанием необходимости классового самосознания тесно связано и признание технических усовершенствований, которые он оценивал как большое достижение и прогресс. Рабочие должны нападать на действительного врага, а именно на общественное устройство. Не должны они относиться враждебно и к иностранным рабочим; «они такие же люди, как вы, как и у вас, у них есть свои нужды, как и вы, они имеют право на жизнь и, следовательно, на труд. Если вы терпите всяческие лишения, вините в этом не своих братьев, которые страдают так же, как и вы, а привилегию, которая давит вас»²⁷.

Когда кризис на Ближнем Востоке грозил разжечь в Европе пожар войны, Лапоннерэ обращается еще к одному аспекту пролетарского интернационализма. Опасались вмешательства Англии и Франции, которые не хотели допустить вторжения царской России в Турцию. Лапоннерэ предупреждал, что война послужит сигналом для всех угнетенных народов к ликвидации существующего положения. В случае пачала военных действий, «вся Европа придет в страшное волнение; все зашатается, все закипит, тогда огонь, тлеющий под пеплом, вспыхнет, и колесница свободы, продвижению которой долго мешали несколько скипетров, раздробит их своими победоносными колесами»²⁸.

Как было указано, Лапоннерэ вел безуспешную борьбу за продолжение издания своих газет. Какое упорство и решимость он ни проявлял, он смог напечатать только 13 номеров своей газеты «Intelligence», пользовавшейся наибольшим успехом. Судебные процессы и тюремные заключения были слишком непосильны даже для его пылкой натуры. В 1839 г., когда будущее «Intelligence» выглядело совершенно мрачным, он основал «Propagande», но сумел опубликовать только два номера. В марте 1840 г. вышел последний номер «Intelligence»; таким образом, он лишился последней возможности поддерживать связь с общественным мнением. Оказавшись в бедственном положении, он все же предпринял еще одну попытку заняться журналистской деятельностью. В 1841 г. в объявлении, размером в одну страничку, он сообщил о создании в ближайшем времени нового ежемесячного издания «Club. Journal de discussion politique et philosophique», как только удастся найти 2 тыс. подписчиков, и советовал корреспондентам писать «таким образом, чтобы не задеть чувствительности господ из прокурорского надзора». Одной из его целей было объединение разрозненных демократических групп. Но читатели получили лишь проспект «Club».

²⁷ «L'Intelligence», septembre 1839.

²⁸ «L'Intelligence», octobre 1839.

Во время революции 1848 г. журналистский талант Лапоннерэ остался практически незамеченным. Мягкий и застенчивый, он оставался в тени, в то время как другие проталкивались вперед. Возможно, его оттолкнула политика Временного правительства. Он уехал в Марсель, где редактировал «Voix du Peuple». Он умер 2 сентября 1849 г. таким же бедным, каким он был в те годы, которые посвятил просвещению трудящихся.

IV

Разгром восстания 12 мая 1839 г., возглавлявшегося Бланки и Барбесом, дискредитировал необабувизм как способ установления царства равенства, если использовать термин Пийо и Лапоннерэ. После разгрома «Общества времен года» было создано несколько тайных обществ, но они не представляли уже угрозы для буржуазной монархии. Однако необабувистские идеи продолжали владеть умами многих людей и даже проникали в массы под именем коммунизма, который утопист Этьенн Кабе старался популяризировать в своем «Путешествии в Икарию»²⁹. 11 декабря 1841 г. Гейне писал из Парижа: «Ниспровергающие учения глубоко проникли в низшие классы Франции. Речь идет не о равенстве в правах в государстве, а о равенстве пользования благами жизни на этой земле». И далее, в том же письме: «Язык пропаганды коммунизма понимают все народы». 25 июня 1843 г. он снова писал из Парижа, что коммунисты являются «единственной партией во Франции, определенно заслуживающей внимания»³⁰.

Наблюдения Гейне нашли подтверждение в опасениях властей. Вскоре после опубликования книги Прудона «Что такое собственность?» министерство юстиции рассматривало вопрос о том, можно ли на каком-либо основании возбудить судебное дело против автора. Было отмечено, что он «хочет дать бабувистской, эгалитаристской партии новое направление, предполагающее такие формы, которые выглядят внешне вполне respectable»³¹. Примерно в это же время министр внутренних дел был настолько встревожен появлением брошюры Пийо «Коммунизм не является утопией», что потребовал привлечь автора к ответственности. Но генеральный прокурор ответил, что хотя изложенные в брошюре положения «являются в высшей степени преступными», однако не следует уделять ей столь много внимания³².

Если бы не восстание 12 мая 1839 г., за которым в 1840 г. последовала волна забастовок и движение за политическую реформу, французские высшие чиновники, быть может, и не проявляли бы такой чрезвычайной перевозности. Необабувистская печать, конечно, не давала оснований для тревоги. Значительная часть ее была мертворожденной. «Liberté», о создании которой сообщил Теодор Дезами, так и не вышла в свет. «Egalité», обещающая хранить верность традиции Бабефа и Буонарроти, выпустила только свой проспект. То же самое произошло и с упомянутым выше изданием Лапоннерэ «Club» и с «Communautaire», которая ставила своей задачей избавить движение от его уродливого крыла, проповедовавшего свободную любовь. «Démocratie», с помощью которой ее редактор Теофиль Торе надеялся проложить дорогу к демократическому бесклассовому строю, издала только один пробный номер. Больше повезло маленькому сатирическому журналу, удачно названному «Pamphlet»; он мог похвастаться изда-

²⁹ E. Cabet. *Toute la vérité au peuple*. Paris, 1842, p. 40 sqq.

³⁰ H. Heine. *Lutèce*. Paris, 1878, p. 211, 366.

³¹ Archives Nationales, BB¹⁸ 1389, dossier 1460.

³² *Ibid.*, BB¹⁸ 1397, dossier 2709.

нием двух номеров³³. Некоторое представление о его характере и цели дают следующие две строчки:

«История — это могила революций совершенных.
„Памфлет“ — это колыбель революций будущих»³⁴.

«Egalitaire» и «Humanitaire» также опубликовали по два номера. Но поскольку они возбудили разногласия среди коммунистов, они, естественно, требуют большего внимания. Это были ежемесячные теоретические дискуссионные журналы, имевшие в качестве исходных позиций материалистическую философию XVIII в.; каждый из них имел свою схему социального устройства. Схема «Egalitaire» была коммунистической, в духе будущего общества Бабефа, но не являлась чистым подражанием; схема «Humanitaire» была анархической, в духе «Манифеста равных» Сильвена Марешаля³⁵.

Редактором журнала «Egalitaire», основанного в 1840 г., был Теодор Дезами. Бывший школьный учитель в Вандее, он, переехав в Париж, вступил в знаменитое «Общество времен года». После ликвидации общества он стал секретарем Этьенна Кабе, и в 1840 г. участвовал вместе с Пийо в организации коммунистического банкета в Бельвиле. Полиция характеризовала Дезами «как (человека), фанатично преданного идеям коммунизма, которые он развил в запрещенном сочинении»³⁶. Кроме того, сообщалось, что «он находится в очень тяжелом положении и живет лишь за счет уроков, которые дает в пансионе»³⁷. Виктор Бутон считал его «одним из самых смелых по мысли и по высказываниям революционных агитаторов... это железный дух в слабом теле»³⁸.

Наиболее полное изложение его идей содержится в книге «Кодекс общности», которая вышла в 1842 г. и которую Кабе считал соперницей своего «Путешествия в Икарию». Мы не будем вдаваться в существо их полемики. Необходимо также отметить, что Дезами участвовал в революции 1848 г., основал газету «Droits de l'homme» (вышло всего три номера), защищал Бланки по делу о документе Ташеро и был кандидатом в Национальное собрание³⁹.

Такова коротко история основателя «Egalitaire». В глазах полиции, журнал был учрежден «для возбуждения фанатизма пролетариев-коммунистов»⁴⁰. Он защищал бабунизм, не придерживаясь, однако, строго его учения. Дезами, так же как и Лашоннерэ, заявил: «Мы не намерены останавливаться на достигнутом Бабефом и, отдавая должное нашему великому мученику, будем стараться пойти дальше его в наших делах»⁴¹. Журнал помещал статьи под такими, например, заголовками: «Каковы принципы, ведущие к счастью», «Социальная экономика» (в которых давался анализ систем Фурье, Сен-Симона, Бюше, Бабефа и Оуэна), «Эгалитарное воспитание» и «Философия современного кризиса». Журнал признавал, что он заимствовал свои идеи у социальных философов, от Томаса Мора

³³ 10 декабря 1841 г. и 15 января 1842 г.

³⁴ «Le Pamphlet», 10 décembre 1841.

³⁵ В первом номере журнала автор статьи о Марешале определял анархизм как «государство без правительства, а не беспорядок, как понимают его наши политики» («L'Humanitaire», juillet 1841).

³⁶ «Almanach de l'organisation sociale», Paris, 1843.

³⁷ Документы полиции, опубликованные Жоржем Буржемом в «Festschrift für Carl Grünberg», Leipzig, 1932, p. 70—73.

³⁸ «Profils révolutionnaires», N 10, p. 152, 153.

³⁹ Его программа была изложена им самим в брошюре «Aux ouvriers de Paris» (Paris, 1848).

⁴⁰ В замечаниях о книге Прудона «Что такое собственность?» (Archives Nationales, BB¹⁸ 1389, dossier 1460).

⁴¹ «L'Egalitaire», juin 1840.

и Кампанеллы до Оуэна и Буонарроти. Его целью было равенство в духе традиции Морелли и Руссо. Его отправным пунктом были естественные способности человека, которые требуют своего развития в обществе. Только строй, руководствующийся равенством, может в полной мере содействовать их развитию.

Обращаясь от идеального к реальному, «Egalitaire» обвинял политическую экономию во многих грехах. Она оправдывала «самые невероятные злоупотребления, самые кричащие противоречия, дабы управлять промышленностью и наукой в созидании, производстве и потреблении богатств», и была мало озабочена тем, «откуда эти богатства берутся». В ответ на жалобы рабочих на свое отчаянное положение она советовала им быть воздержанными. «Новый кодекс о браке и семье лишил даже радостей семейной жизни, обрекая на безбрачие тех, кого они сами назвали пролетариями, что уже само по себе является злой насмешкой»⁴².

Чтобы избавить общество от этих пороков, «Egalitaire» призывал всех рабочих, интеллигентов и других угнетенных объединиться. «Кто может поставить нам это в вину? Ни жалкими сетованиями, ни тушим послушанием не облегчит бедняк своей судьбы, не разобьет свои оковы. Нет, нет! Угнетатели не отступят ни на шаг перед пустыми словами. Свобода улыбается лишь тому, кто смело идет за нее на бой». Следовательно, журнал поддерживал идею Бабефа о революционной диктатуре. Но она должна быть временной, до установления полного равенства⁴³.

В «Кодексе общности» Дезами обрисовал характер переходного периода и коммунистического общества, которое явится его завершением. Но размеры данного очерка не позволяют нам изложить его схему. Достаточно сказать, что она опиралась на социально-философские учения XVI—XIX вв. (вплоть до современных ему) и на опыт революционеров от Эбера и Сен-Жюста до Бланки.

В данной статье нет необходимости излагать причины вражды между Дезами и его бывшим патроном Кабе; достаточно сказать, что первому претила та религиозная оболочка, в которую второй облек свое коммунистическое учение. Не имеет никакого смысла вспоминать и те нелестные эпитеты, которыми они награждали друг друга в своих памфлетах⁴⁴. Все это было характерно для атмосферы тайных обществ 40-х годов.

Определить цели журнала «Humanitaire» более трудно, чем цели «Egalitaire». Журнал был настолько пронизан идеями «естественного права» XVIII в., что без конца рассуждал и пережевывал общеизвестные истины о бедствиях общества, не будучи в состоянии дать им правильную оценку.

Основатели «Humanitaire» Ж. Ж. Мэй и Ж. Шаравэ объединили вокруг себя группу авторов, в том числе Андре Савари, Теодора Дезами и Жюлья Гэ, последователя Роберта Оуэна. И редакторы, и корреспонденты были единодушны в признании принципов материализма, но расходились по вопросу отмены семьи и брака. Журнал осыпал упреками с разных сторон. Он ставил своей целью, как сообщалось в первом номере, обеспечить человеку «положение, соответствующее его природе; максимально развить его способности; избавить его от всего, что может непосредственно или косвенно затруднить просветление его разума; и тогда прекратится безумие человечества». Эта общая цель была приемлема для всех коммунистических обществ того времени. Но какое положение лучше всего соответствует природе человека? То положение, которое редакторы кратко

⁴² «L'Egalitaire», mai 1840.

⁴³ «L'Egalitaire», juin 1840.

⁴⁴ Th. Dézamy. Calomnies et politique de M. Cabet. Réfutation par des faits et par sa biographie. Paris, 1842; E. Cabet. Toute la vérité au peuple ou Réfutation d'un pamphlet calomniateur. Paris, 1842.

выразили словом «свобода», т. е. такое положение, «когда человек не повинуется никакой другой власти, кроме власти разума». Другими словами, человек должен быть свободен делать все, что ему диктует разум, и при этом предполагалось, что разум непогрешим. Он должен быть также свободен от всех привязанностей, таких, как семья и жена⁴⁵. Союз полов должен основываться на любви и взаимной симпатии. Они должны тянуться друг к другу, как растения.

«Humanitaire» носил на себе также следы влияния Руссо. Журнал пропагандировал жизнь простую, удовлетворяющую лишь самые насущные потребности, без роскоши, ибо считал, что такая жизнь лучше всего обеспечивает свободу личности, которую он идеализировал. Журнал заявлял: «Мы хотим, чтобы искусство было не развлечением, а полезной деятельностью (fonctions)». Но одно не исключало другое, если только не понимать «искусство» столь примитивно, как понимал его Марешаль, заявивший в «Манифесте равных»: «Пусть погибнут, если это нужно, все искусства, лишь бы нам осталось истинное равенство». Идеализации простой жизни соответствовало также требование «Humanitaire» «об уничтожении столиц или центров управления. Мы хотим, чтобы территории государств были разделены между общинами в соответствии с местными условиями и потребностями»⁴⁶. Весь мир был бы разделен на коммуны, равные по размеру, но мало связанные между собой. Очевидно, что конечной целью журнала был индивидуалистический анархизм.

В сентябре 1841 г., перед выходом в свет третьего номера журнала, его редакторы и корреспонденты были арестованы за создание ассоциации, запрещенной законом. Обвиненные в заговоре против государства, замаскированном изданием журнала, они были приговорены к различным наказаниям.

«Humanitaire» враждовал со многими группами — обстоятельство, иллюстрирующее разобщенность общественного движения 40-х годов. Разногласия существовали фактически по всем вопросам, и ни одна группа не видела ничего ценного в учениях других групп. «Humanitaire» выступал против влиятельной рабочей газеты «Atelier», против «Fraternité de 1841» и журнала Кабе «Populaire». Журнал Кабе в свою очередь вел полемику со всеми другими газетами, в том числе с лионской «Travail».

Кабе страстно желал стать главой школы и затмить все другие школы, которые чтили память бабувистов. Поэтому в своей «Histoire populaire de la révolution française»⁴⁷ он преуменьшил роль Бабефа. Разумеется, в целом он отмечал преданность и героизм бабувистов. Но, как выяснил один проникательный биограф Кабе, «на тридцати пяти страницах, которые он посвятил смелому предпринятию бабувистов, нет ни одной строчки, где бы не содержалось критического замечания или оговорки, смешанных с похвалой»⁴⁸. Результатом этого явилась его изоляция от необабувистов.

В свое время его обвиняли в том, что он заимствовал в той или иной мере свои идеи у необабувистов⁴⁹. Но кажется, мало кто сомневается в том, что его основной труд, «Путешествие в Икарию», был написан на основании серьезного изучения обширной литературы по политической и социальной философии со времен Платона. Поэтому из уважения

⁴⁵ «L'Humanitaire», juillet 1841.

⁴⁶ Ibidem.

⁴⁷ E. Cabet. Histoire populaire de la révolution française. Paris, 1839—1840, 4 vols.

⁴⁸ J. Prudhommeaux. Icarie et son fondateur Etienne Cabet. Paris, 1907, p. 117.

⁴⁹ Одним из многих обвинений, выдвигавшихся Дезами против Кабе, было отсутствие уважения к Бабефу и недооценка книги Буонаротти (Th. Dezamy. Calomnies et politique de M. Cabet, p. 36).

к целям, которые ставил перед собой Кабе, мы не станем рассматривать в настоящем обзоре необабувистской печати историю его журнала и перейдем вместо этого к последнему разделу, посвященному в основном «Fraternité de 1845».

V

Прежде чем заняться «Fraternité de 1845», необходимо сделать несколько замечаний о лионской газете «Travail» и парижской «Fraternité de 1841» — двух газетах необабувистского направления, вышедших в одно время.

Цель газеты «Travail»⁵⁰ нашла отражение в ее подзаголовке: «Орган социального обновления». Чтобы понять сущность этого социального обновления, достаточно посмотреть, как истолковывала газета триаду французской революции: «Свобода — это право использовать по своему желанию в рамках общества и безо всяких ограничений, кроме общих интересов, те разнообразные способности, которыми наделила нас природа. Равенство — это равное пользование духовными и материальными благами общества в виде компенсации за выполнение равных обязанностей, возлагаемых также на всех. Братство — это чувство любви, связывающее людей, побуждающее их поступаться своими интересами ради интересов других, идти на великие жертвы, героическое самоотречение и находить счастье только в том, что составляет счастье наших братьев, а также наше»⁵¹.

Таков был коммунизм в понимании «Travail». Фактически, если не считать случайных религиозных ноток, «Travail» мало чем отличалась от других современных ей газет, придерживавшихся аналогичных взглядов. Она заявляла, что ее коммунизм базируется «на благородных достижениях науки, искусства и философии»⁵². Она требовала общности имущества и «всесторонней и мудрой реорганизации, которая охватывала бы все отношения между индивидуумами, с тем чтобы с пользой употребить свободные усилия и способности каждого»⁵³.

Выпуск «Travail» прекратился прежде, чем она успела более подробно изложить свои коммунистические идеи. Полиция полагала, что газета была органом тайного «Реформированного карбонарского общества», а ее исчезновение явилось результатом раскрытия этой организации⁵⁴. Однако нет никакой возможности проверить правильность свидетельства полиции.

Семнадцать номеров газеты «Fraternité de 1841» вышли за период с мая 1841 г. по март 1843 г. Ее главный основатель Ришар ле Лаотьер, сотрудничавший в газете Лапоньерэ «Intelligence», одним из первых смело заявил о своей приверженности принципам необабувизма. Но он ушел из «Fraternité», когда она изменила свои взгляды в духе деизма. С этого момента газета постоянно колебалась между деизмом и материализмом. Этим она отличалась от «Egalitaire». Что касается остального, то «Fraternité» проповедовала те же принципы, что и другие необабувистские газеты. Она по-своему призывала к коммунизму как к альтернативе существующего строя, основанного на частной собственности и порождающего неравенство⁵⁵; опровергала тезис реформистов, согласно которому частичные улучшения должны в конечном итоге привести к полному социальному обновлению, и утверждала более определенно, чем «Travail», что ком-

⁵⁰ С июня по сентябрь 1841 г. вышло всего четыре номера.

⁵¹ «Prospectus».

⁵² Ibidem.

⁵³ «Le Travail», juillet 1841.

⁵⁴ Archives Nationales, BB¹⁸ 1397, dossier 2703.

⁵⁵ «La Fraternité», juin 1841.

мунизм исторически неизбежен⁵⁶ и практически осуществим, приводя в качестве подтверждения последнего положения пример Парагвая и Моравских братьев⁵⁷.

Интересно отметить, что «Fraternité» защищала коммунизм, руководствуясь патриотическими мотивами, подобно тому как санжюлоты защищали свою социальную программу. Она исходила из того, что еще со времен средневековья Франция занимает первое место среди других народов. В качестве «авангарда Европы и всего мира, она должна быть инициатором во всех прогрессивных начинаниях, и ее блестящий пример должен увлечь народы по пути к светлому будущему». Можно ставить под сомнение историческую значимость этого заявления, но поскольку история знает две французские революции, которые всколыхнули всю Европу, французам можно простить некоторое преувеличение, как поэты прощают некоторую поэтическую вольность. Давайте проследим дальше аргументацию автора. «Но чтобы Франция могла выполнить свою миссию, необходимо, чтобы она полностью ее осознала; необходимо... чтобы подавляющее большинство французов понимало... слова *свобода, равенство*». Существующий в настоящее время строй не позволяет Франции провозгласить эти два принципа своим соседям. Если она хочет оставаться примером для других народов, она должна следовать курсу, намеченному ее великими принципами, до тех пор, пока не достигнет коммунистических целей⁵⁸.

«Fraternité» заявляла, что тенденция продвижения к коммунизму является фактически уже сейчас, находя выражение в совместных усилиях в достижении общих целей⁵⁹. Эта тенденция свидетельствует о том, что история — на стороне коммунизма. Между тем долг коммунистов, рассуждала «Fraternité», — содействовать историческому развитию, ведя пропаганду и не давая отчаянным людям бросаться очертя голову в рискованные предприятия, «ибо нужно, чтобы народ в достаточной степени проникся передовыми идеями». Это напоминает доводы Лапоннера. Успеха, утверждала «Fraternité», «можно добиться только путем мирной пропаганды, а не путем слишком явных приготовлений обществ, созданных для борьбы, не имеющей никаких шансов на успех»⁶⁰.

В течение почти двух лет своего существования «Fraternité» была центром сплочения коммунистов, которые были не согласны с «Populaire» или разочаровались в сторонниках крайних методов борьбы. Но материальных средств хватило лишь на то, чтобы обеспечить выпуск газеты до марта 1843 г.

Сотрудники первой «Fraternité» начали выпускать в 1845 г. другую газету под тем же названием. Из всей необабувистской печати эта газета более других придерживалась своего направления. Мы не хотим сказать, что «Fraternité de 1845» была свободна от недостатков и иллюзий других необабувистских газет этого периода. Если говорить правду, она тоже предавалась бесплодным мечтаниям⁶¹. И так же, как ее предшественницы, она была страстно предана триаде французской революции. Эта триада была ее «славным наследием» и «символом нашей веры в мораль, политику и социальную науку»⁶². Однако она отказывалась присоединиться к каким-либо готовым планам социального переустройства⁶³. Она

⁵⁶ «La Fraternité», septembre 1841.

⁵⁷ Ibid., avril 1842.

⁵⁸ Ibid., mai 1841.

⁵⁹ Ibid., décembre 1841.

⁶⁰ Ibid., janvier 1842.

⁶¹ См.: «La Fraternité de 1845», avril 1845.

⁶² «La Fraternité de 1845», janvier 1845.

⁶³ Ibid., septembre 1845.

отстаивала осуществление суверенитета народа; требовала обобществления «природных богатств и богатств, созданных руками человека»; «обязательного труда для всех», в соответствии с силами и способностями каждого; «распределения продуктов труда каждому по потребностям»; «единого и общего образования, обеспечивающего всестороннее развитие человеческой личности — физическое, умственное и духовное»; и, наконец, «всемирного братства и всеобщей солидарности». Для достижения этих целей она намеревалась сплотить «в единый союз различные разрозненные элементы» и регулировать поступь прогресса»⁶⁴. Ибо она видела извилистую, но непрерывающуюся дорогу от великой триады до конечной цели. В этом отношении она была единопупна с несколькими неособавуистскими газетами.

Однако перспективы, которые указывала «Fraternité», были более ясными. Как бы апокалиптичны ни были ее предсказания, ее энергия все же лучше направлялась, — возможно, потому, что она создавала сложность социальных изменений. Поэтому она ожесточенно спорила с «National» и «Réforme» о взаимоотношении политических и социальных проблем, а также с «Atelier» и «Populaire» относительно средств достижения намечаемой цели. «Fraternité» критиковала «National» за то, что та до такой степени сосредоточивает свое внимание на политических правах, что совершенно забывает о социальном вопросе. Политические права являются только средством, «целью же является совершенствование общественных институтов», — утверждала «Fraternité»⁶⁵. Другими словами, так же как и «Intelligence», она утверждала, что политические проблемы в отрыве от социальных — это абсурд, который вводит только в заблуждение.

Аналогичной позиции придерживалась она и выступая против редактора «Réforme» Ледрю-Роллена, которого она критиковала за то, что он открыто отделил демократию от социализма и коммунизма. «Fraternité» заявила, что, кроме того, что он искажил саму идею демократии, он еще показал, что не знает ее сущности, а именно: политические реформы, сами по себе без решения социальных проблем, «не способны всколыхнуть массы и изменить их положение; ограничивать ее (демократию. — *Ред.*) этими рамками значит делать демократическую партию бессильной, ничемной...». Продолжая спор в том же духе в следующем номере, она утверждала: «Те, кто определенно хотят суверенитета народа, должны тем самым прийти к коммунизму; упрямо отвергать его, не изучив и не предложив какого-либо способа реального осуществления этого суверенного права, значит низводить участие народа в общественных делах до бесполезного и жалкого вмешательства, над которым всегда будет торжествовать влияние богатства и интриги... Для нас в вопросе суверенитета народа... заключены все вопросы духовной экономической и политической организации. Поэтому, придерживаясь этой точки зрения, мы вправе сказать, что коммунисты являются наиболее последовательными демократами»⁶⁶.

Различия между «Fraternité» и «Atelier» по социальному вопросу можно выразить в двух словах: «революция или реформа». «Atelier», следуя учению неокатолика Филиппа Бюше, утверждала, что, поскольку человеческие страсти не знают предела, а человеческое счастье — химера, коммунисты не туда направляют свои стрелы (идут по ложному пути). Единственно, чего можно добиться, это улучшить положение рабочих с помощью производственных кооперативов. «Fraternité» отвергала как социальную философию «Atelier», так и предложенное ею средство улуч-

⁶⁴ «La Fraternité de 1845», janvier 1845.

⁶⁵ «La Fraternité de 1845», février 1845.

⁶⁶ «La Fraternité de 1845», janvier 1847.

ления положения рабочих. Она отвергла это средство на основании трех причин: содействуя развитию индивидуалистических, несходных интересов, кооперативы сохраняют социальные противоречия, вместо того чтобы устранять их; кооперативы нельзя распространить на все социальные и экономические секторы, поэтому они не могут быть «разумным, спасительным и мудрым шагом к использованию общих сил и ресурсов»; наконец, одни кооперативы не могут «содействовать социальному преобразованию». По мнению «Fraternité», оно «может быть осуществлено только с помощью централизованной власти, безгранично воздействующей на все социальные элементы, которые она должна... последовательно изменять вплоть до полного преобразования современного общества». Этот метод был явно не бабувистским.

Затем «Fraternité» переносила спор в область социальной философии. В противовес пессимистическим взглядам «Atelier» на человеческую природу она выдвигала аргумент фурьеристов (соответствовавший современной социальной психологии), согласно которому человеческие страсти «являются движущей силой нашей деятельности, и искусство управления обществом состоит в том, чтобы создать для них такие условия, которые, останавливая их пагубные влечения, превращали бы их в орудия достижения общей цели»⁶⁷.

Разногласия «Fraternité» с «Populaire» и Кабе касались обширной области стратегии и метода. Как и «Intelligence», «Fraternité» была убеждена, что рабочие не смогут прийти к своему освобождению, если их заранее не просветить и не убедить, что их страданиям будет положен конец. Как? Путем захвата власти у буржуазии. «Fraternité» рассуждала следующим образом. Буржуазия обязана своим приходом к власти только «просвещению». В результате аристократия «растворилась в буржуазии». Трудящимся не останется ничего другого, как пойти этим же путем, «и буржуазия станет народом. Еще одна социальная эволюция, и у нас будет полное равенство. Не будет больше ни каст, ни классов, только один народ, состоящий из равноправных братьев»⁶⁸.

Никто не будет оспаривать того, что просвещение буржуазии сыграло очень большую роль в ее продвижении к власти. Но смена классов произошла не мирным путем. Однако данный очерк не имеет своей целью анализировать историческую точность «Fraternité». Нас интересует больше другое: в своей дискуссии с «Populaire» она утверждала, что придет время, когда трудящиеся должны будут подняться против буржуазии и захватить власть, так же как буржуазия в свое время выступила против аристократии.

Кабе же считал, что трудящиеся придут к власти не таким путем. Они, без помощи буржуазии или, по крайней мере, части ее, они не смогут установить новый порядок. Пролетариат нуждается в буржуазии и должен искать союза с ней. Более того, коммунизм будет установлен не силой оружия, а силой общественного мнения⁶⁹.

Кабе и его ученики, убежденные в том, что сила общественного мнения в конце концов одержит победу, создали эффективную пропагандистскую машину. К началу 40-х годов Кабе имел много сторонников во Франции и сочувствующих в Англии, с которыми он поддерживал постоянную связь. Эти сочувствующие входили в тайное «Французское демократическое общество», объединявшее французских эмигрантов, участвовавших в восстаниях 1834 и 1839 гг., а также в немецкое просветительское рабочее общество, одним из руководителей которого был Карл Шаппер.

⁶⁷ «La Fraternité de 1845», août 1845.

⁶⁸ «La Fraternité de 1845», mai 1845.

⁶⁹ «Toute la vérité au peuple», p. 24; «Le Populaire», 14 mars 1841.

Судя по его программе 1840 г., «Французское демократическое общество» придерживалось бабувистских идей⁷⁰. Неизвестно, имело ли оно свой центр во Франции, но через своего секретаря Камилла Луи Беррье-Фонтэна оно поддерживало связь с Кабе. Благодаря связи с «Французским демократическим обществом» Кабе установил контакт и с упомянутым выше немецким обществом, ибо эти две организации все более сближались, пока окончательно не объединились.

В 1843 г. Кабе запросил их мнение относительно плана создания в Париже небольшой икаррийской коммуны. Они ответили, что, учитывая опыт прошлого, они полагают, что это мероприятие окончится неудачей и нанесет тем самым вред коммунистическому движению⁷¹.

В мае 1847 г. «*Populaire*» напечатала манифест «Едем в Икаррию» с призывом организовать в Соединенных Штатах Америки коммуны, насчитывающую 10—20 тыс. икаррийцев. В сентябре того же года Кабе ездил в Лондон, чтобы изложить свой проект французам и немцам. Как сообщает г-м Фридрих Лесснер⁷², после недели дебатов они отклонили его план примерно по тем же мотивам, что и в 1843 г.⁷³

Этот план эмиграции стал объектом критики «*Fraternité*». Сразу же после появления манифеста Кабе она напечатала резкую статью, причем ее возражения против этого плана очень похожи на те, которые были высказаны в Лондоне спустя четыре месяца. Это сходство можно объяснить только одним: дискуссия, происходившая в Лондоне еще в 1843 г., очевидно, обсуждалась во французских левых кругах, на что намекала «*Fraternité*».

Возражения «*Fraternité*» против проекта Кабе были двойного характера — практические и политические. Что касается первых, то она указывала на различия в воспитании, жизненном опыте и взглядах будущих колонистов, отмечала их предрассудки, претензии и странности, которые неизбежно помешают успеху предприятия. Еще более важным, чем эти недостатки, было полное отсутствие необходимых ресурсов. Рассматривая саму идею создания утопических обществ вообще, «*Fraternité*» оценивает ее как политически бессмысленную. Она утверждает, что даже если бы это было возможным, «наш долг, интересы нашей идеи требуют, чтобы мы остались здесь, на своем посту; бросить его означало бы изменить делу наших братьев ради достижения эгоистического счастья». Если бы все демократы последовали их примеру, продолжала газета, «этот день стал бы днем радости для аристократии, для эксплуататоров народа, для сторонников частной собственности, рантье и капиталистов». «*Fraternité*» не ограничилась этим. Если 20 или 50 тыс. борцов за прогресс уедут в поисках обетованной земли, «мы гарантируем им поддержку старого мира и все средства, необходимые для того, чтобы довести до конца это начинание, оскорбляющее человечество». Более того, в деле отвлечения из страны всех тех, кого власти считают подрывными элементами, это предприя-

---

⁷⁰ См. эту программу: Girod de l'Ain. Procès de Dames. Rapport, p. 77—95 и в «*Gazette des tribunaux*», 12 mai 1841; она была перепечатана Виктором Бутэном в «*Profils révolutionnaires*», N 41, p. 170—177 и французским эмигрантом Жаком Эмбером (Imbert) в «*Atelier démocratique de Bruxelles*», 1846.

⁷¹ Протоколы обсуждения были опубликованы в «*Bulletin of the International Institute of Social History*», 1952, N 2, p. 98—103.

⁷² F. Lessner. Sixty Years in the Social Democratic Movement. London, 1907, p. 41.

⁷³ Доводы против этого плана были опубликованы в «*Kommunistische Zeitschrift*» (сентябрь 1847 г.), перепечатаны Карлом Грюнбергом в «*Die Londoner Kommunistische Zeitschrift und andere Urkunden aus den Jahren 1847—1848*» (Leipzig, 1921, p. 45—49). 3 октября 1847 г. перевод их появился в «*Populaire*».

тие достигнет больших результатов, чем все законы существующих властей.

«Fraternité» обвинила Кабе в стремлении найти благовидный предлог. «Но нас преследуют, — говорите вы, — на наше учение клеветуют, нищета душит нас безжалостной рукой, нет никакой надежды». С каких это пор коммунисты отступают «перед топениями» или складывают оружие перед бедностью? — спрашивала она; «разве нищета менее тягостна для наших братьев, трудящихся, чем для нас, покинем ли мы их, увозя с собой... учение, которое, вселяя надежду, может облегчить им их бремя?.. зачем бежать прочь от центра сосредоточения этой растущей силы, ... зачем ослаблять ее, разбивать это орудие спасения? Ведь коммунизм существует, развивается, растет и может победить только благодаря всеобщим усилиям, зачем же вы лишаете его своей поддержки, вы, которые называете себя коммунистами?»

В заключение ответа Кабе «Fraternité» заявляла, что любой проект эмиграции на этих основаниях должен быть осужден. Те, кто устремляются в погонию за чем-то неуловимым и несбыточным, должны помнить, что тем самым они оправдывают клевету «на наше учение и его сторонников» и ставят под упреку «общее дело». Бросить его, эмигрировав, значит принести его в жертву «самой губительной, самой эгоистической, самой неосуществимой из всех утопий»⁷⁴.

Кабе не переубедили. 3 февраля 1848 г. первая группа икарийцев (69 человек) отправилась в Соединенные Штаты. Один из оставшихся в живых охарактеризовал впоследствии этот авангард как «сливки сливок партии»⁷⁵.

В том же месяце вышел последний номер «Fraternité». Эта газета и как орган пропаганды и как последовательная защитница необабувистских идей была той высшей точкой, которой удалось достигнуть всей необабувистской печати с 1837 г. Она не уподобилась «Moniteur républicain», возмещавшей отсутствие идей словесным буйством, не качнулась, как маятник, к крайнему руссоизму «Humanitaire», не считала, как первая «Fraternité», что человечество движется вперед к царству Верховного Существа. Вместе с «Intelligence» и «Egalitaire» вторая «Fraternité» чтит бабувистов, не подражая им слепо. Обладая таким же даром анализа, что и ее предшественники, она изучала общественный организм, стремясь выяснить, что заставляет его скрипеть и дребезжать, почему трудящееся большинство так бедно, а праздное меньшинство так богато. Средства, рекомендованные «Fraternité», носили отчасти такой же фантастический характер, как и меры, предлагавшиеся другими. Однако, вопреки мнению своих современников, она утверждала, что экономический и политический вопросы являются в сущности одним вопросом и что инициатива разрешения его принадлежит рабочим. Она утверждала, что борьба за решение главных вопросов должна вестись на родной земле. Следовательно, всякий план создания эмигрантами нового Иерусалима в американских прериях — это предательство дела рабочих. Таково было существо критики, которой подвергла «Fraternité» сенсационный замысел газеты «Populaire».

Революция 1848 г. лишила необабувизм той жизненной силы, которой он прежде обладал. Некоторое время политические заключенные и эмигранты еще следовали его принципам. Но необабувистские идеи перестали вдохновлять печать. Пожалуй, только одну недолговечную газету можно было бы отнести к необабувистской печати, а именно «Communiste», ежемесячник, издававшийся Жюлем Гэ, бывшим сотрудником «Humanitaire».

⁷⁴ «La Fraternité de 1845», mai 1847.

⁷⁵ J. P r u d h o m m e a u x. Icarie et son fondateur Etienne Cabet, p. 218.

Единственный номер газеты Гэ, вышедший в марте 1849 г., развивал принципы предыдущих необабувистских изданий. Жюль Гэ проповедовал также эмансипацию женщин и равенство полов, возможно, под влиянием своей жены феминистки Дезирэ Гэ.

Насколько нам известно, «Communiste» была последней газетой, защищавшей одну из форм необабувизма. Как учение необабувизм отжил свой век. Он не мог ответить на вопросы, возникшие в связи с политическими и экономическими изменениями после 1848 г. Он не смог понять основных законов социальных изменений, как не поняли их и более ранние или современные ему идеологические течения. Но в 1848 г. Маркс и Энгельс провозгласили новую теорию, к которой они пришли в результате изучения динамики общественного развития. Перенесение центра тяжести с социальной утопии на социальную науку — таков ее главный вклад.